
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКО-БОЛГАРСКОГО МЕЖДИАЛЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ (на материале русских переселенческих говоров Одесщины)

Л. Ф. Баранник (Одесса)

Проблема взаимодействия языков относится к одной из сложных и актуальных проблем современной лингвистики. Особый научный интерес представляет исследование межъязыковых контактов на диалектном уровне. Предметом нашего внимания является взаимодействие русских и болгарских говоров на территории Буджака, юго-западной части Одесщины. В условиях долговременного тесного контактирования эти славянские говоры интенсивно взаимодействовали, особенно в области лексики, самого подвижного и проницаемого яруса языка. Объектом нашего исследования является лексико-семантическое воздействие болгарских говоров на русские, до сих пор мало изученное.

Длительные контакты, экономические и культурные, между русскими и болгарскими, переселившимися в Буджак в первой трети XIX в., способствовали обогащению словарного состава русских переселенческих говоров заимствованиями из соседних болгарских. Анализ заимствований показывает, что чаще всего они проникали в русские говоры Одесщины вместе с новыми предметами и понятиями, ранее неизвестными русским переселенцам. В. Г. Белинский справедливо отмечал: «Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень трудно, и вообще этот труд редко удается. Поэтому с новым понятием, которое один (народ — Л. Б.) берет у другого, он берет и самое слово, выражающее это понятие. В этом действии видна справедливость: как бы в награду за понятие, рожденное народом, переходит к другим народам и слово, выражающее это понятие» (Белинский, 1955, с. 60). Заимствования вместе с новой вещью, новым явлением, понятием часто называют «культурными» заимствованиями. Такого рода заимствования «особенно легко переходят из языка в язык вместе с предметами, ими обозначаемыми; предмет несет их вместе с собой, иногда увлекает их очень далеко: (слова следуют за вещами)» (Вандриес, 1937, с. 212).

«Культурные» заимствования представляют собой ценный материал, по которому можно судить об особенностях взаимоотношений одного народа с другим, о специфике и степени влияния одного языка на другой. «Культурные» заимствования весьма важны не только для лингвиста, но и для историка, этнографа. К заимствованиям такого рода в русских переселенческих говорах Одесщины относятся названия новых предметов, явлений, понятий, вошедших в быт русских переселенцев уже в период их жизни за пределами России. Поселившись в новых краях, русские заимствовали у своих соседей-болгар прежде всего слова, связанные с разведением и обработкой огородных культур. Болгары издавна славились как умелые огородники, овощеводы. Переселившись в Буджак, они стали выращивать овощи на больших орошаемых массивах. А. Скальковский, известный этнограф и статистик Новороссийского края, в 1853 году писал: «Лет 20 назад во всей Новой-России капуста и другие огородные овощи были столь же редки, как георгины или китайские розы. Теперь, благодаря болгарам, рынки Одессы и других городов полны отлично зеленью: и не одни арбузы, дыни да огурцы являются на базарах Новороссии, а капуста огромных размеров, двух или трех фунтовые свеклы, помидоры, патлажаны, разного рода нежные тыквы, прас, толщиной в вершок и т. п. ... От Одессы на сто верст кругом, на всякой балке, над всяким почти родником, видишь высокое колесо и от него многими лучами тянущиеся желоба: это египетские сакие, устроенные болгарами для поливки баштанов и огородов» (Скальковский, 1853, с. 21-22).

Болгары щедро делились богатым опытом по возделыванию овощей со своими соседями — русскими, украинцами, молдаванами. Естественно, что в русские говоры стали проникать болгаризмы, связанные с обработкой и выращиванием огородных культур, обозначающие новые для русских реалии: *градина* «большой колхозный огород» (болг. *градина*), *градинар* «огородник» (болг. *градинар*), *дулап* «водочерпалка, приспособление в виде большого колеса с сосудами из жести для полива огорода» (болг. *долан*), *чарк* «большое колесо дулапа, к которому прикреплялась цепь с ведрами для полива огородов (болг. *чарк* «колесо-маховик»), *калистърка* «небольшая мотыга» (болг. *калистърка*), *каба* «салатный лук» (болг. *каба* лук), *рабажѝка*, *гарбаджѝка*, *арбаджѝка* «мелкий семенной лук» (болг. *арпаджѝк*), *патлажѝн*, *патладжѝн* «помидор» и «баклажан» (болг. *патладжан*), *нахут*, *навут*, *наут* (болг. *нахут*) «особый сорт гороха с узкими длинными стручками» и др.

Из болгарских говоров русские восприняли также ряд слов, относящихся к животноводству: *коч* «баран, оставленный на племя» (болг. диал. *коч*), *магарѝ* «осел» (болг. *магарѝ*), *овѝн* «баран» (болг. *овѝн*) и др.

Русские переселенцы заимствовали у болгар и некоторые бытовые лексемы: *булгур* «каша из пшеничной муки» (болг. диал. *бѝлгур*), *каларма*, *каварма* «мясное кушанье с острыми приправами» (болг. *каварма*), *мѝнджѝа*, *мѝнджѝа* «густой соус из баклажан, помидоров, перца и лука» (болг. *мѝнджѝа*), *пастрама* «вяленое сушеное мясо» (болг. *пастърма*), *пѝканки* «кукурузные хлопья», *рокла* «длинное глухое платье темного цвета» (болг. *рокла*), *панѝра* «широкая плетенная из ивовых прутьев корзина для овощей или фруктов» (болг. *панѝр*), *чипѝцы* «старинные женские башмаки» (болг. *чипѝци*) и др.

Общепризнано, что говорам свойственна тенденция к детализации, конкретизации наименований отдельных предметов, явлений и понятий. Примечательно, что эта тенденция дает себя знать и при отборе заимствованных слов. Наблюдения показывают, что очень часто носителями говоров заимствуются именно те слова, которые дифференцируют, конкретизируют определенные понятия, известные в говорах. Так, средством конкретизации, детализации отдельных понятий в русских переселенческих говорах служат следующие воспринятые из болгарских говоров слова: *градина* «большой колхозный огород за селом», *каба* «крупный салатный лук», *рабажѝка*, *арпаджѝка* «мелкий салатный лук», *ракиѝа* «сливовая водка», *газмѝн* «холощенный баран, откормленный на мясо», *калистѝрка* «небольшая мотыга» и др.

Некоторые болгаризмы вошли в русские говоры при наличии русизмов с адекватными значениями. Такие заимствования вступают в сложные синонимические отношения с русскими соответствиями. Нередко, помимо номинативной функции, они выполняют и экспрессивную. Иногда отмечалось заимствование лишь одного значения, одной семантики (семемы) без заимствования звуковой оболочки слова (лексемы), вследствие чего русские слова обогащались семантически. Происходило это при наличии в русских говорах слова, адекватного по звучанию с болгарским соответствием. Так, русским переселенцам издавна известно слово *закуска* в значениях: 1. действие по значению глагола *закусить*; 2. кушанья, употребляемые перед обедом для возбуждения аппетита или для заедания выпитого вина, водки и т. п.». В болгарских говорах адекватное по звучанию русскому *закуска* более объемно по значению, ибо, помимо значений, известных в русском языке, оно употребляется как наименование завтрака. Русские пересе-

ленцы заимствовали это значение для своего слова закуска у соседей болгар.

В отдельных случаях в русских говорах наблюдалось калькирование болгарского: русск. *синий помидор* → болг. *син патладжан* «баклажан» русск. *красный помидор* → болг. *червен патладжан* «помидор».

Займствования из болгарских говоров попадали в русские исключительно устным путем. На русской диалектной почве болгаризмы претерпевали фонетические, морфологические и семантические изменения, нередко довольно сложные.

Анализ займствований показывает, что большая часть их освоена русскими с той же семантикой, какая была им свойственна в болгарских говорах. Это, в основном, однозначные слова, часто выступающие в говорах в роли терминов, обозначающих бытовые и сельскохозяйственные реалии: *пастромѧ* «вяленое сушеное мясо» (болг. *патърмѧ*: СЧ), *кашкавѧ* «овечий сыр» (болг. кашкавал: БТР; РСБКЕ), *чърбѧ* «похлебка» (болг. *чорба*: ЛАМ БТР; РСБКЕ), *гарафѧ* «графин» (болг. *гарафа*: ЛАМ; СЧ), *дѡвар* «каменный забор» (ср. болг. *дѡвар*: ЛАМ; БТР; СС, с. 35; СЧ), *панѧра*, *панѧрка* «большая широкая плетеная корзина для фруктов или овощей» (болг. *панѧр*, *панѧрка*: БТР; РСБКЕ; ЛАМ; СЧ), *пѧтел* «петух» (болг. *пѧтел*: СС, с. 36; ЭИЗ, с. 88), *рабажѧ* «мелкий семенной лук» (болг. *арпаджѧ*: БТР; ЛАМ; РСБКЕ), *тарпѧн* «серп для срезывания кукурузы камыша» (болг. *търпѧн*: СС, с. 42; ЭИЗ, с. 98) и др.

Без изменения в семантике заимствовались, как правило, однозначные слова, в редких случаях двузначные, обладающие близкими значениями: *зарзѧла* «1. плодовое дерево, абрикос мелкоплодный, 2. плод этого дерева» (ср. болг. *зарзѧла*: БТР, РСБКЕ; ЛАМ), *нахѡт* «1. бобовое растение, особый сорт мелкого гороха с тонкими продолговатыми стручками; 2. плоды этого растения» (ср. болг. *нахѡт*: БТР; РСБКЕ; СЧ).

Определенная часть займствований из болгарских говоров претерпевала на русской почве семантические изменения. Наблюдения показывают, что в займствованиях происходят те же изменения значений, что и в словах исконных, а именно: сужение и расширение значений. Это вполне закономерно, ибо, как отмечает Р. А. Будагов, «...в языке процессы сужения и расширения значений наблюдаются всегда, выступают как общий закон его семантики» (Будагов, 1951, с. 112-113). Однако необходимо отметить, что в заимствованных словах расширение значений происходит реже, чем сужение. «В подлинных займствованиях наиболее замечательное семантическое явление — это специализация значения», — отмечает А. Доза (Доза, 1956, с. 138).

Наиболее распространенным семантическим преобразованием болгаризмов является сужение смыслового объема многозначного в языке — источнике слова, заимствование слова не во всех, а только в некоторых или чаще в одном значении, причем в самом конкретном. Так, в русских говорах *магѧрь* — «осел», в болгарских — *магѧре* не только «осел», но и переносное, пренебрежительное «тупица, болван» (о человеке), а также «кобылка на скрипке» и «козлы для пиления дров» (Чук., БТР).

Наблюдалось сужение семантики болгаризмов и в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначаемых этими словами. Ср.: болг. *ракѧ* «всякая плодовая водка», в русских говорах *ракѧ* только «сливовая водка», болг. обл. *хазман* «кастрированное животное», в русских говорах *хазмѧн* — «голошенный баран», болг. *мѧнджа* — «кушанье вообще» (СЧ; БТР; РСБКЕ, ЛАМ) — в русских говорах *мѧнджа* «особый вид кушанья: густой постный соус из помидоров, баклажанов, перца и лука» и т. п. В ряде случаев в слове, усвоенном не во всех, а только в одном значении, это значение в свою очередь сужалось. Например, многозначное болгарское *градѧна*, употребляемое в языке-источнике и его говорах в значениях «сад» и «огород» (ЛАМ, РСБКЕ, ТВШ) освоено русскими только в одном, причем суженном значении как название большого колхозного огорода за селом (огород возле дома именуется южнорусским словом *город*).

Укореняясь в русских говорах, болгаризмы вступают в семантические связи с русскими местными и литературными словами, что приводит к появлению большого количества дублетных и синонимических образований, компоненты которых отличаются друг от друга функционально, степенью и сферой употребления, а иногда и семантически, оттенками значений: *градѧна* — *город* — *огород*; *кѡчет* — *петѡх* — *пѧтел*; *магѧрь* — *осѧл*; *дѡвар* — *стенѧ*; *сѡба* — *печь*; *грѧнда* — *бревнѡ*; *калистѧрка* — *сапѧ*; *барѧн* — *ѡвен* — *хазмѧн* — *коч*; *калиба* — *конурѧ* и др.

Болгаризмы играют существенную роль в лексико-семантической системе русских говоров Одесщины. Они обогащают местную синонимику, позволяют конкретизировать некоторые понятия, разграничить оттенки значений, придают отдельным словам добавочные значения.

Исследование займствований из болгарских говоров в русских переселенческих говорах Одесщины дает ценный материал для русской и болгарской диалектологии и лексикологии, а также этнографии.

- Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1955, т. IX.
- Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. X. Вып. 2, 1951.
- Вандриес Ж. Язык. — М., 1937.
- Доза А. История французского языка. — М., 1956.
- Дроздовський В. П. Болгаризми в українських говірках. Тези доповіді IV міжвузівської республіканської конференції. — Одеса, 1961.
- Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. — Одеса, 1961.
- Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. II. Хозяйственная статистика Новороссийского края. Одеса, 1853.

Список сокращений:

- БТР Български тълковен речник. — 2-е изд. — София, 1963.
- ЛАМ Л. А. Мичатек. Дифференциальный болгарско-русский словарь. — Санкт-Петербург, 1910.
- РСБКЕ Речник на съвременния български книжовен език. — София, 1959. Т. 1-3.
- СМ Ст. Младенов. Словарь, приложенный к статье в Тракийском сборнике. Кн. VI. — София, 1941.
- СС Ст. Стойков. Говор села Твърдицы (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 8. — Москва, 1958.
- СЧ С. Чукалов. Българско-руски речник. — София, 1957.
- ТВШ Т. В. Швецова. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы МССР // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 2. — Москва, 1952.
- ЭИЗ Э. И. Зеленина. Словарный состав суворовского говора // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. Вып. 8. — Москва, 1958.